

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
(УФИЦ РАН)

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы – обособленное
структурное подразделение Федерального государственного бюджетного
научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
(ИИЯЛ УФИЦ РАН)

На правах рукописи

Ишмухаметова Анита Шаукатовна

**ФАРМАКОФИТОНИМЫ В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
(СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО- МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Уфа 2023

Работа выполнена в Ордена Знак Почета Институте истории, языка и литературы – обособленном структурном подразделении Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Научный руководитель: д. ф. н., профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна

Рецензенты: Самситова Луиза Хамзиновна, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института стратегических исследований государственного бюджетного научного учреждения «Академия наук Республики Башкортостан»

Каримова Гульназ Рафаиловна, к.ф.н., н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено исследованию диалектных наименований лекарственных растений в башкирском языке и выявлению словообразовательно-генетических особенностей данной группы слов. Для обозначения понятия «название лекарственного растения» в диссертационной работе вводится и используется термин «фармакофитоним» (греч. *pharmakon* ‘лекарство’; *phyton* ‘растение’; *опута* ‘имя, название’).

Тщательное изучение названий лекарственных растений башкирского литературного языка и его диалектов, как отдельного пласта фитонимов, с целью систематизации и классификации, обуславливает **актуальность** избранной темы. Учет наличия диалектных вариантов имеет немаловажное значение в развитии и обогащении башкирского языка. Всесторонний лингвистический анализ народных наименований лекарственных растений башкирского языка позволит выявить ее лексический состав, способы и пути образования, истоки формирования и провести их систематизацию.

Объектом исследования выступает часть флористической лексики башкирского языка, а именно однословные и составные диалектные фармакофитонимы.

Предметом исследования выступают лексико-семантические, историко-генетические и структурно-словообразовательные особенности диалектных фармакофитонимов в башкирском языке.

Основной **целью** является системное описание фармакофитонимов, как отдельного пласта фитонимов, достижение которого предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучить и проанализировать научную литературу по данной проблематике;
- 2) выявить основные лексико-семантические группы фармакофитонимов;
- 3) установить наиболее характерные модели номинации вышеуказанной тематической группы;
- 4) провести словообразовательно-генетический анализ наименований лекарственных растений;
- 5) составить словарь названий лекарственных растений из обозначенных фармакофитонимических наименований.

Научно-методологической и теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды известных отечественных и зарубежных ученых, посвященные фитонимической лексике (Ю. Дмитриева, Л.Х. Галаева, А.М. Гребнева, Ю.Н. Исаев, Н.А. Казиева, З.Е. Каскаракова, В.Б. Колосова, Ю.Э. Коппалева, И.В. Лукьянова, В.А. Меркулова, Ж.М. Омашева, Н.И. Панасенко, О.Г. Рубцова, Л.Э. Рупышева, Г.Г. Саберова, И.И. Садовникова, А.Б. Семенова, Б.А. Хазбулатов, Т.Х. Хайрутдинова и др.), а также исследования, затрагивающие различные проблемы диалектологии, словообразования, растительной лексики в башкирском языке (Т.М. Гарипов,

Н.К. Дмитриев, К.Г. Ишбаев, Э.Ф. Ишбердин, Н.Х. Ишбулатов, М.И. Карабаев, Дж.Г. Киекбаев, Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова, Р.З. Сафарова, Д.И. Хизбуллина, Ф.Г. Хисамитдинова, А.Р. Хисматова, А.Г. Шайхулов, Р.З. Шакуров, А.А. Юлдашев, Г.Н. Ягафарова и др.).

Методы и приемы исследования. В зависимости от объекта исследования и поставленных задач были применены следующие методы:

- метод сплошной выборки из письменных источников;
- метод полевого сбора материала посредством опроса и организации тематических бесед;
- сопоставительный метод с элементами сравнительно-исторического анализа – для определения общих и уникальных свойств фармакофитонимов;
- описательный метод – для выделения и классификации лексико-семантических групп лексики лекарственных растений;
- статистический метод – для выявления наиболее продуктивных мотивов и для установления отношения между исследуемыми группами фармакофитонимов.

Научная новизна работы заключается в том:

- в работе на основе изучения фармакофитонимов в зарубежном, отечественном и башкирском языкознании определено терминологическое понятие фармакофитонимов;
- выявлены основные мотивировочные признаки диалектных фармакофитонимов, среди которых самым продуктивным является номинация по наличию зоонимических компонентов;
- установлены словообразовательные и генетические характеристики диалектных названий лекарственных растений;
- обнаружены не зафиксированные ранее в словарях башкирские фармакофитонимы;
- доказано, что большую часть фармакофитонимов в башкирском языке составляют составные слова – 43 %, простые – 37,6 %, а сложные – 19,4 % от общего количества зафиксированных лексем.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что работа вносит определенный вклад в целенаправленное исследование недостаточно изученной части лексики башкирского языка – наименований фармакофитонимов. Результаты системного анализа слов, относящихся к фармакофитонимам, могут быть полезны при дальнейшем изучении и разработке различных проблем в области лексикологии не только башкирского, но и тюркского языкознания. Используемые в работе диалектные материалы могут расширить возможности обогащения лексической системы башкирского языка.

Практическая значимость работы

Материалы диссертации могут найти применение в преподавании в средних специальных и высших профессиональных образованиях гуманитарного и медицинского профиля. Выводы могут быть рекомендованы к применению при реализации регионального компонента образования,

диалектные материалы представленной работы могут найти применение при проведении факультативных занятий по лингвокультурологии, в том числе в школьном курсе башкирского языка. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при составлении словарей. Результаты исследования также будут интересны для аналогичных разработок в тюркских и других языках.

Положения, выносимые на защиту

1. Фармакофитонимы в башкирском языке представляют собой систему, состоящую из 9-ти лексико-семантических групп: «деревья», «кустарники», «травы», «грибы», «злаки», «бобы», «плодово-ягодные растения», «огородно-бахчевые культуры», «садово-комнатные цветы».

2. По происхождению лексика лекарственных растений в башкирском языке делится на исконный и заимствования.

3. Фармакофитонимы в башкирском языке по структуре подразделяются на простые (непроизводные и производные), сложные и составные.

4. При словообразовании все названия диалектных лекарственных растений были разделены на фонологические, морфологические, лексико-синтаксические словообразования.

5. В процессе номинации фармакофитонимов в башкирском языке самым продуктивным является номинация по наличию зоонимических компонентов в составе названий лекарственных растений. Это объясняется тем, что процесс познания лекарственных растений башкирским народом осуществлен преимущественно на основании зрительного восприятия действительности.

Материал исследования. Для изучения фармакофитонимов привлекались исследования и материалы из древнетюркских памятников (Словарь тюркских языков, Кодекс Куманикус), этимологических трудов (СИГТЯ, ЭСТЯ, ЭСтатЯ, ЭСЧЯ и др.), корпусов прозы, фольклора, публицистики Машинного фонда башкирского языка и из башкирских лексикографических работ: «Русско-башкирский словарь» (З.Г. Ураксин, Ю.З. Ураксин, 2004), «Толковый словарь современного башкирского литературного языка» (под ред. З.Г. Ураксина, 2005), «Русско-башкирский словарь» (С.И. Янтурин, Г.А. Хисамов, 1981), «Диалектологический словарь башкирского языка» (2002), «Русско-башкирский словарь по лесному делу» (З.Г.Ураксин, З.Г.Уразбаева, Н.Ф.Суфьянова, 2006), «Русско-башкирский словарь» (под ред. З.Г.Ураксина, 2005), «Башкирско-русский словарь» (под ред. З.Г. Ураксина, 1996), «Реалии башкирской культуры: словарь безэквивалентной лексики башкирского языка» (Самситова, 2006), «Арабские и персидские слова в башкирском языке» (А.Г. Биишев, 2009), «Мифологический словарь башкирского языка» (Ф.Г. Хисамитдинова, 2010), «Лечебная и охранительная магия башкир» (Ф.Г. Хисамитдинова, 2009), «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь видовых названий растений Башкортостана» (С.С. Хайретдинов, 2002), «Русско-башкирский,

башкирско-русский словарь по ботанике» (С.И. Янтурин, 2011), десятитомный «Академический словарь башкирского языка» (под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой, 2011–2018), «Алфавитный толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы (М.Г. Усманова, С.С. Хайретдинов, Г.А. Исянгулова, Л.А. Еникеева, 2015), «Термины земледелия в башкирском языке» (Э.Ф. Ишбердин, 2002) и других словарей, а также были использованы справочники «Целебные растения родного края» (В.З. Гумаров, 1996), «Лекарственные растения Башкирии: их использование и охрана» (Е.В. Кучеров, Д.Н. Лазарева, В.К. Десяткин, 1989) и др.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы были изложены и обсуждены на международных конференциях: «TurkLang'2020», Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков (Уфа, 18–20 октября 2020 г.), XIV Конгресс антропологов и этнологов России (Томск, 6–9 июля 2021 г.), «Шеттілдік терминдерді игерудің халықаралық тәжірибесі», Халықаралық ғылыми-практикалық конференция (Нұр-Сұлтан, 15 қазанда 2021 ж.), «Этногенез. История. Культура: IV Юсуповские чтения», IV Международная научная конференция, посвященная памяти Рината Мухаметовича Юсупова (Уфа, 12 ноября 2021 г.), «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее», III Международная Интернет-конференция (СПб., 16 июня 2022 г.), «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», XIX Международная научная конференция (Уфа, 2–3 июня 2022 г.), «Ахмет Байтурсынулы и язык науки», Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 150-летию юбилею основателя казахского языкознания, Учителя нации Ахмета Байтурсынулы (Алматы, 13 декабря 2022 г.), «Актуальные проблемы узбекского ареального языкознания: методология и новый подход», Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 80-летию со дня рождения каракалпакского ученого, доктора филологических наук, профессора Ю.М.Ибрагимова (Нукус, 23 ноября 2022 г.), «Академическая гуманитарная наука в XX – начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития», Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, 19–21 сентября 2022 г.), «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее», IV Международная Интернет-конференция (СПб., 3 мая 2023 г.).

По теме диссертационного исследования опубликованы 14 публикаций, в том числе 2 статьи в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации, 1 статья в научном журнале, индексируемом в международной базе данных Scopus.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списков условных сокращений, словарей и справочников лекарственных растений, литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект и предмет, цели и задачи, отмечаются научно-методологическая и теоретическая основы, материал, методы и приемы исследования, степень разработанности темы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, указываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, приводятся данные об апробации, описывается структура диссертационного исследования.

В первой главе «Теоретические предпосылки изучения названий растений» рассматриваются теоретические аспекты исследования названий растений в русском языкознании, прослеживается история изучения растительной лексики в тюркологии, в башкирском языкознании; дается определение основным терминологическим понятиям.

В первом разделе «История изучения названий растений в отечественном языкознании» отмечается, что отечественное языкознание характеризуется наличием большого количества трудов, посвященных изучению растительной лексики. Проведенный нами анализ позволяет заключить, что в лингвистике интерес к разноаспектному изучению растительной лексики проявлялся довольно устойчиво. Исследователями рассматривались номинативный, сравнительный, структурно-семантический словообразовательный, этнолингвистический, семантический, коннотативный и др. аспекты (Н.В. Шейна, М.В. Пименова, А.Ю. Белова, А.Г. Гайфуллина, Л.П. Леонова, Н.П. Ульянова; Е.Н. Гибало, Т.Т. Марсакова, В.П. Никишаева, О.П. Рябко, Ю.С. Азарх, С.Л. Ким, А.В. Шевцов, Т.И. Вендина, С. Альяффар, Т.Н. Бунчук, Р.В. Туркина, Н.П. Ульянова, Т.В. Цой, С.Ю. Дубровина, Р.Д. Сетаров и др.).

В любом языке названия растений представляют собой весьма специфический пласт лексики. Роль растений в жизни человека всегда была исключительно велика. Именно растения стали первыми лекарственными средствами любого народа. Для нас особый интерес представляют исследования, в которых рассматриваются лексика лекарственных растений.

Второй раздел первой главы «История изучения названий растений в тюркологии» посвящен обзору исследований растительной лексики на материале тюркских языков.

По тюркским фитонимам ценная информация находится в памятниках письменной культуры тюрков Махмуда ал-Кашгари, «Древнетюркском словаре», «Codeks cumanikus»е, «Историко-сравнительном словаре тюркских языков XIV века» Э.Н. Наджиба, «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа, «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л.З. Будагова, «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортяна, «Сравнительно-историческом грамматике тюркских языков. Лексика» Э.Р. Тенишева и др.

В «Словаре тюркских языков» Махмуда ал-Кашгари (1074 г.), наряду с языковым материалом древних тюркских племен и других соседних народов, приводится большое количество названий растений и злаков, которые в настоящее время встречаются в тюркских языках. Большинство слов в этом словаре объясняется и уточняется с помощью соответствующего иллюстративного материала: с этой целью широко используются пословицы и поговорки, в том числе и фитонимического порядка: *Акир булса ар улмас* – если у человека есть аир, он не умрет от боли в животе, – он примет его и исцелится и т.п. [Кашгари, 91].

Огромную работу в исследовании истории тюркской фитонимии проделали Л.В. Дмитриева (1971, 1972, 1975, 1976), Н.Б. Бурганова (1976), Д.Б. Рамазанова (1982), Р.К. Рахимова (1993), Г.Г. Сабетова (1996), М.И. Скворцов (1971), Г.А. Дегтярев (1986, 1991), Г.И. Уюкбаева (1983), Б. Калиев (1991), Ш. Сеитова (1999), Э.С. Кулиев (1988), Х.А. Джамалханов (1968), Ю.О. Барта (1997), Г.Ш. Назарова (1992) и др.

Среди научных трудов последних лет следует отметить работы Ю.В. Норманской (2005, 2006, 2007, 2008), А.В. Дыбо (2010), А.Ш. Юсуповой (2012), Ч.И. Фиргалиевой (2007), Э.Р. Ахметовой (2012), Т.Х. Хайрутдиновой (2004), Ю.Дмитриевой (2001), А.Б. Шормаковой (2021), У.Б. Адильбаевой (2001), Г.А. Омарбековой (2004), Л.В. Хапаевой (2016), Д.Б. Мирзахановой (2007), А.Б. Семеновой (2011), А.Л. Исмаиловой (2017), З.Е. Каскараковой (2014) и др.

В **третьем разделе** «Из истории изучения названий растений в башкирском языкознании» прослеживается история исследования растительной лексики башкирских языковедов.

Первые сведения о лекарственных растениях башкир содержатся в трудах ученых – И.Г. Георги (1799), П.С.Палласа (1786), И.И. Лепехина (1802), В.В. Радлова (1893 (1), 1899 (2), 1905 (3), 1911 (4)), позже в книгах С.И. Руденко (1925), Е.И. Клобуковой-Алисовой (1958), в статье Н.Ф. Шакировой (1988).

По ботаническим терминам выпущены словари С. Барановым и З.Шакировым (1932), Н. Уразметовым (1952), Л. Гадиловым и М. Шигаевым (1961), С.Янтуриным и Г. Хисамовым (1981), С.С. Хайретдиновым (1996, 2002), З.Г. Ураксиным, З.Г. Уразбаевой, Н.Ф. Суфьяновой (2006) М.Г. Усмановой, С.С. Хайретдиновым, Г.А.Исянгуловой, Л.А. Еникеевой (2015).

Отдельные наименования растительной лексики в башкирском языке нашли отражение в «Башкирско-русском словаре» (1996), «Диалектологическом словаре башкирского языка» (2002), «Русско-башкирском словаре по лесному делу» (2006), «Русско-башкирском словаре» (2005), «Арабские и персидские слова в башкирском языке» (2009), «Мифологическом словаре башкирского языка» (2010), «Лечебной и охранительной магии башкир» (2009), «Русско-башкирском, башкирско-русском словаре видовых названий растений Башкортостана» (2002), «Этнолингвистическом словаре башкирского языка» (2002), «Русско-

башкирском, башкирско-русском словаре по ботанике» (2011), десятитомном «Академическом словаре башкирского языка» (2011–2018), «Алфавитном толковом башкирско-русско-латинском словаре народных названий растений в башкирском языке. Синонимы» (2015), а также в справочниках «Целебные растения родного края» (1996), «Лекарственные растения Башкирии: их использование и охрана» (1989) и др.

К примеру, в «Этнолингвистическом словаре башкирского языка» Р.Н. Хадыевой, в котором исследуется 17 тематических групп с подгруппами: небо и небесные явления (солнце, луна, звезды и т.д.), природа и природные стихии (земля, огонь, дождь и т.д.), птицы, растения, животные, цвет, пространство, числа, орудия труда, предметы быта, болезни и т.д., отмечено такое поверье: *Балтырған, кузгалак, какы, кымызлык – май үлэндәре. Май айында ете төрлө үлән ауыз итергә, балтырғандан өс тапкыр аш бешереп ашарга кәрәк. Май үлэндәре ашаган кеше бер йылга етерлек көс, һаулык ала* [Хадыева, 2002, 68] – ‘Борщевик, щавель, свербига, кислица – майские травы. В мае надо пробовать семь разных трав, трижды есть суп из борщевика. Тот, кто ест майские травы, наполнится силой, здоровьем на один год’. Или же в «Лечебной и охранительной магии башкир» (2009) Ф.Г. Хисамитдиновой отмечено, что лекарственные растения использовались и в магиях башкир, некоторые ритуалы осуществлялись при помощи трав. Они применялись при приготовлении отвара, для сжигания, а также для создания амулетов. Так, например, *куз үләне* (букв. глазная трава) ‘очанка’ использовалась от сглаза: *Куз үләне бик нык куз тейгәндә килешә... “Без куз үләнән бик күп йыябыз. Ирәмдең күзенә сыбырткы тейеп һуқырая яззы, куз үләне менән им иттеләр әбейзәр”, – тип яззыртты Шөкөр ауылынан М. Фәрхеева – Очанка помогает при очень сильном сглазе... “Мы очень много очанки собираем. Когда мужу глаз задело кнутом, он чуть не ослеп, старушки его очанкой вылечили”, – рассказала М. Фахреева из деревни Шукурово Свердловской области* [Хисамитдинова, 2009, 161].

Богатый материал по растительной лексике можно почерпнуть из публицистических текстов (26285 статей – 12553226 словоупотреблений), фольклорных (17951 текстов – 855876 словоупотреблений) и прозаических произведений (1300 – 15211551 словоупотреблений), которые составляют базу данных Машинного фонда башкирского языка (mfbl2.ru).

Значительную работу по изучению растительной лексики проделали башкирские языковеды Р.З. Сафарова (1992), Э.Ф.Ишбердин (1990), А.Г. Шайхулов (1988), Д.И. Хизбуллина (1999), А.Р. Хисматова (2005), М.И. Карабаев (2012), М.И. Багаутдинова (2013), М.Г. Усманова (2015), Г.Н. Ягафарова (2018), З.А. Хабибуллина (2018), Р.С. Акманова (2022) и др.

В башкирском языкознании имеются немало трудов, которые являются фундаментом для дальнейшего изучения растительного мира. Следует отметить, что именно диалектные фармакофитонимы являются еще нерассмотренным аспектом в башкирском языке.

В четвертом разделе первой главы даются определения основным

терминологическим понятиям.

В современной лингвистике названия растений принято считать фитонимами. Но несмотря на многочисленные исследования растительной лексики, в языкознании нет общепринятого толкования понятий «фитоним», «фитонимика», «фитолексика», «фитонимическая лексика», «фитонаименование», «фитонимическая единица», «флороним», «флористическая лексика».

Обзор работ по исследованию растительной лексики показал, что термин «*фитоним*» впервые зафиксирован в книге А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» [Суперанская, 1973, 189], как «собственные индивидуальные названия отдельных растений», затем в статье Т.А. Бобровой, опубликованной в 1974 г. – «терминологическое название всех растений (малина, калина, базилик)» [Боброва, 1974, 73]. А в «Словаре русской ономастической терминологии» И.В. Подольской этот термин рассматривается как «собственное имя растения» [Подольская, 1978, 305].

Наряду с этим термином исследователи растительной лексики используют термины, которые представлены в работах Ю.А. Дьяченко: «*фитонимика* – совокупность фитонимических единиц, *фитонимическая лексика*, *фитолексика* – названия всей совокупности слов данного тематического пласта: собственно фитонимов, названий частей растений, собирательных существительных, производных прилагательных и т.д.» [Дьяченко, 2010, 12].

Л.Э. Рупышева для наименования деревьев, кустарников, трав, грибов, мхов, злаковых, овощных, фруктово-ягодных, декоративных садовых, технических культур, их родо-видовых разновидностей, сортов, плодов выбирает термин *флороним* [Рупышева, 2014, 18].

Данный термин также используется в исследовательских работах Л.П. Леоновой (1996), Т.Д. Барышниковой (1999), Е.А. Булах (2001), О.П. Рябко (2003), Н.Б. Кудрявцевой (2004), В.Н. Страусова (2006), Е.Г. Якушевой (2012) и др.

В то же время в некоторых работах отмечается использование нескольких понятий. Так, З.А. Камаль в своей работе указывает, что в поэзии *фитонимы*, «выступая в качестве локальных, темпоральных, эмотивных, этнографических и культурных индикаторов, осуществляют важные смысловые функции, служат репрезентантами не только эксплицитной, но и имплицитной информации», а тогда как *флористическая лексика* «содержит информацию не только об окружающей природной среде, но и взаимодействии данной культурной общности с этой средой» [Камаль, 2008, 123, 127].

Ю.Н. Исаев в своей работе пользуется новым термином *флорема*, которая «понимается как совокупность слов, относящихся к различным тематическим подгруппам, объединённых общим семантическим компонентом – «растительный мир» с их несовпадающей лексической, грамматической и словообразовательной разновидностью» [Исаев, 2015, 39].

О.Г. Рубцова, для обозначения понятия «название лекарственного растения» в диссертационном исследовании вводит и использует термин «фармакофитоним» (греч. *pharmakon* ‘лекарство’; *phyton* ‘растение’; *онума* ‘имя, название’) [Рубцова, 2015, 8].

Исходя из вышесказанного, мы считаем целесообразным выбор термина *фармакофитоним* в качестве базового. Под этим термином понимаем наименования дикорастущих деревьев, кустарников, трав, грибов и культурных злаков, бобов, плодово-ягодных, огородно-бахчевых растений, садово-комнатных цветов, которые применяются в лечебных целях.

Вторая глава «Мотивировочные принципы народных наименований фармакофитонимов в башкирском языке» включает 10 разделов, в которых рассматриваются и раскрываются основные мотивировочные принципы названий лекарственных растений.

В названиях растений отображен обширный диапазон информационных каналов: визуальных, тактильных, слуховых, вкусовых, а также чувства народа. Изучение закономерностей номинационных действий, функционирующих в системе фитонимической лексики, дает возможность установить характерные черты познания народом растительного мира, более значительно представлять номинативный механизм языка, а также систематизировать названия лекарственных растений согласно методу их именования.

Анализ нашего материала позволяет выделить 10 мотивировочных признака в основе номинации фармакофитонимов.

1. Мотивировочный признак «зооним». В составе фармакофитонимов, мотивированных внешним видом, обнаруживаются названия животных, птиц, насекомых: *куянкалак* ‘лесная сверби́га’ (< *куян* ‘заяц’ + *колак* ‘ухо’) – сходство листьев растения с ушками зверя (зайца), *йылантамыр* (< *йылан* ‘змея’ + *тамыр* ‘корень’) ‘горец змеиный’ за сходство корневища на змею, *терпекэй үлән* ‘мордовник’ (< *терпекэй* ‘ежонок’, *үлән* ‘трава’) – круглое и колючее соцветие растения сравнивается с ежом и др.

Фармакофитоним *бесэй тырнагы* ‘мальва’ (< *бесэй* ‘кошка’, *тырнак* ‘ноготь’) в говорах башкирского языка получил название за сходство форм семян, напоминающими ноготки кошки.

Отдельно следует выделить группу фармакофитонимов, в составе которых наблюдается лексема *эт* собака: лит. *эт муйылы*, диал. *этбауыр* / *эт пауыр*, *этморон*, *эт караганы*, *эт карагаты*, *эт шоморто* ‘крушина ломкая, или ольховидная’ лат. *Frángula álnus*, диал. *эт борсагы*, *эт мунсагы*, *эт мамәйе*, *эт шоморто* ‘паслен черный’ лат. *Solánium nígrum*, лит. *эт дегәнәге*, *эт тегәнәге* ‘череда трехраздельная’ лат. *Bídens*, лит. *эт еләге* ‘толокнянка’ лат. *Arctostáphylos*, диал. *эт кесерткәне* ‘яснотка белая, глухая крапива’ лат. *Lámium álbum*, диал. *эт тегәнәге* ‘чертополох, татарник колючий’ лат. *Cárduus*, лит. *эт табан* ‘манжетка’ лат. *Alchemílla* и др.

Слово *эт* у башкир имеет как положительную, так и отрицательную характеристику. В поверьях, запретах собака традиционно считается святым:

эт – *изге йән* – собака – святое животное. *Эттән фатиха алыу килешә: юл хәйерле, сәфәрәң уң була* – ‘Перед поездкой помогает получение благословения (дать еду) у собаки, дорога будет удачной’ [Хадыева, 2002, 52]. Между тем, слово *эт* отражено в составе названий некоторых ядовитых растений, например, *эт мунсагы, эт мәмәйе, эт борсагы* ‘паслен черный’, *эт жимеше* ‘волчьи ягоды, волчье лыко’, *эт зелесе, эт йемеше* ‘бересклет’ и др.

Отметим, что среди фармакофитонимов, содержащих зоонимы, самым продуктивным оказалась лексема *эт*.

2. Мотивировочный признак «цвет». В основе мотивации фармакофитонимов чаще всего оказываются основные цветоименования. При этом разные части растений могут обладать разными цветовыми признаками: **цвет плода** в основном представлен двумя цветами – *кара* ‘черный’ и *кызыл* ‘красный’ (*кара миләш* (< ‘рябина черная’) ‘рябина черноплодная’, лит. *кызыл карагат* ‘красная смородина) и в единичном случае *ез* ‘латунный, медный’ – *езтәймә* (< ‘медная пуговица’) ‘пижма’ и т.д.; **цвет цветков** – в номинации следующих фармакофитонимов: диал. *һарсәскә* (< ‘цветок желтый’) ‘одуванчик лекарственный’, *бакыр сәскә* (< ‘цветок медный’) ‘василистник желтый’ и т.д.; **цвет корней** отмечен в следующих названиях: *алтын тамыр* (< ‘корень золотой’) ‘родиола’, *кызыл тамыр* (< ‘корень красный’) ‘подмаренник’ и т.д.

Также представленность цветообозначений может быть обусловлена разными причинами, наличием определенных семантических ассоциаций. Например, *кара* черный цвет в составе некоторых фармакофитонимов может означать негативную оценку, которая вызвана ядовитыми свойствами растений: например, *каразирә / карасира* ‘дурман’, *кара билсән* (< ‘осот черный’) ‘бодяк полевой’, *кара үлән* (< ‘трава черная’) ‘марьянник гребенчатый’. В данных наименованиях *кара* черный цвет приобретает оттенок значения ‘темный’.

3. Мотивировочный признак «место произрастания». Еще одна группа фармакофитонимов мотивированы с местом, где они произрастают. Нами выделены следующие основные признаки: место произрастания – *урман* ‘лес’ (*урман еләге* < ‘лесная ягода’) ‘земляника лесная’, место произрастания – *болон, ялан, дала* ‘луг, поле, степь’ (*болон тукранбашы* < ‘клевер луговой’, *ялан еркәүеге* < ‘лабазник полевой’, *дала дауылуты* < ‘качим полевой’), место произрастания – *яр* ‘берег’ (*йар йеләге* < ‘ягода береговая’), место произрастания – *тау* ‘гора’ (*тау елбәгәйе* < ‘ветреница горная’), место произрастания – *һаз* ‘болото’ (*һаз болануты* < ‘кипрей болотный’).

В башкирском языке нами выявлено 108 фармакофитонимов, мотивировочным признаком в которых является «место произрастания». Это составляет 12,5 % от общего числа наименований лекарственных растений. Отметим, что фармакофитонимы получили названия того локуса, где они растут.

4. Мотивировочный признак «этноним».

Данная группа фармакофитонимов образована от этнонимов, т.е. в наименованиях лекарственных растений присутствует название чужих этносов. «Воплощение обобщенного представления о чужом в мотивировках слов и фразеологизмов» Е.Л. Березович предлагает «обозначить термином ксеномотивация (процесс образования таких единиц – ксенономинация, а языковые единицы, возникшие в результате этого процесса – ксенонимы)» [Березович, 2007, 407].

При ксенономинации подчиненный компонент может быть мотивирован происхождением фармакофитонима или указать на источника его проникновения в культуру: лит. *европа һимезуты* (< *европа* ‘европейский’ *һимезут* ‘солерос’) ‘солерос европейский’ лат. *Salicórnia euroraéa* распространен в Северо-Западной Европе, лит. *казак артышы* (< *казак* ‘казацкий’ *артыш* ‘можжевельник’ < казацкий можжевельник) ‘можжевельник казацкий’ лат. *Juníperus sabína*, лит. *Канада алтынбашы* (< *Канада* ‘Канада’, *алтын* ‘золотой’ + *баш* ‘голова’) ‘золотарник Канадский’ лат. *Solidágo canadénsis* – восток Канады.

Существуют ксенонимы, в которых этнические особенности не подвергаются номинативной обработке, а основой для именованя становятся такие признаки растений как «вредный», «опасный»: лит. *алтай елбагэйе* (< *алтай* ‘алтайская’ *елбагэй* ‘ветреница’) ‘ветреница алтайская’ лат. *Anemónoides altaica* в народной медицине применяется очень осторожно, так как при наружном использовании может вызвать ожоги, а при применении внутрь – отравление; *урыс көпшэге* / *урыс көпшэге* / *урыс көпшэһе* (сакмарск. гов. южн. диал.) (< *урыс* / *урыс* ‘русский’ *көпшэ* ‘стебель’) ‘болиголов крапчатый’ лат. *Coniūm maculātum* содержит ядовитые вещества – фитотоксины.

5. Мотивировочный признак «медицинское применение».

Некоторые растения мотивированы их лечебным свойством. Диалектные названия *йара йапрагы*, *йараяпрак*, *йары йапрагы*, *йара үләне*, *жарापечин* (< *йара* / *йары* / *жара* ‘рана’, *япрак* ‘лист’, *печин* ‘сено’, *үлән* ‘трава’) ‘подорожник’ лат. *Plantago* произошло от заживляющего свойства этого растения при порезах; грыжник гладкий лат. *Herniaria glabra* под названием *бүсер үләне* (< *бүсер* ‘грыжа’, *үлән* ‘трава’) использовался от грыжи. Травяной отвар из горца почечуйного *геморрой үләне* (< *геморрой* ‘геморрой’, *үлән* ‘трава’) применялся для лечения геморроя. Сердечником лат. *Cardamine* под названием диал. *йөрәк уты* (< *йөрәк* «сердце», *ут* < древнетюрк. слово *от*: 1. «трава»; 2. «лекарство» [ДТС, 373]) лечили болезни сердца.

В нашем перечне можно найти растения, названия которых мотивированы с такими их качествами, как ядовитость. В основном в составе названий этой группы фармакофитонимов выделяются животные: *айыу* ‘медведь’, *бүре* ‘волк’, *эт* ‘собака’: *айыу баланы* (< ‘калина медвежья’) ‘жимолость’, *бүре йемеше* (< ‘ягода волчья’) ‘крушина слабительная’, *эт карагаты* (< ‘смородина собачья’), *эт шоморто* (< ‘черемуха собачья’)

‘паслен черный’ лат. *Solanum nigrum*.

В башкирском языке есть пословица: «*Һәр дарыу, самаһынан уҙһа – ағыу*» – досл. ‘Всякое лекарство, если оно не в меру – яд’ [БХИ]. Одно из популярных высказываний швейцарского медика и философа Парацельс звучит так: «Всё – яд, всё – лекарство; то и другое определяет доза».

Нами выявлено 33 фармакофитонима, мотивировочным признаком в которых является «ядовитость» растения. В основном в названиях ядовитых растений нашло отражение злой характер таких животных, как *айыу* ‘медведь’ (лит. *айыу баланы* (< *айыу* ‘медведь’ *баланы* ‘калина’) ‘жимолость’ лат. *Lonicera*, лит. *айыу емеше* (< *айыу* ‘медведь’ *емеш* ‘плод’) ‘купена лекарственная’ лат. *Polygonatum odoratum*), *буре* ‘волк’ (диал. *буре йемеше* (< *буре* ‘волк’ *емеш* ‘ягода’) ‘крушина слабительная’ лат. *Frángula ál nus*, диал. *бурейүкә* (< *буре* ‘волк’ + *йүкә* ‘липа’) ‘бересклет’ лат. *Euónymus*), *эт* ‘собака’ (лит. *эт карагаты*, диал. *һайысқан йеләге* (< *һайысқан* ‘сорока’ *йеләге* ‘ягода’), диал. *эт шоморто* (< *эт* ‘собака’ *шоморт* ‘черемуха’) ‘паслен черный’ лат. *Solanum nigrum*) и пр. Данные компоненты *буре*, *айыу*, *эт* указывают отрицательную оценку лекарственного растения, входящую в группу ядовитых.

Несмотря на ядовитые свойства вышеперечисленные растения пользуется большой популярностью у приверженцев народной медицины. Как показывают примеры, эти растения применяются для лечения многих болезней. Ср.: Ср.: *Үсемлектең (буре еләгенең) ботактарынан (йә кайырыһынан) әзерләнгән кайнатманы йокоһозлок йонсотканда, тән тартышканда, экзема, нейродермит кеүек тире ауырыуҙары, дизентерия сире булганда, эсәктәрҙә лямблий, амеба кеүек микроскопик заттар, паразит селәүсен-корттар эйәләшкәндә, эс катканда кулланырға кәңәш ителә* [Гумеров, 1996, 30-31] – ‘Настойку из ветвей (или из коры) растения (волчегодника) советуют применять от бессонницы, при судорогах, при кожных заболеваниях, как экзема, нейродермит, от дизентерии, если в кишечнике подозреваются микроскопические паразитические черви как лямблии, амеба, при запорах’.

6. Мотивировочный признак «вкус». Вкусовые качества плодов растений легли в основу в мотивации 28 фармакофитонимов. Это составляет 3,4 % от общего числа наименований лекарственных растений.

Сладкий вкус обусловил фармакофитонимы: *татлы тамыр* (< *татлы* ‘сладкий’, *тамыр* ‘корень’) лит. 1. ‘солодка уральская’ лат. *Glycyrrhiza uralensis*, диал. 2. ‘бутень Прескотта’ лат. *Chaerophýllum prescottii*, лит. *баллыкай* (< *баллы* ‘медовый’ + уменьш.-ласк. афф. *-кай*) ‘медуница’ лат. *Pulmonaria*, лит. *сөсө йыуа* (< *сөсө* ‘пресный’, *йыуа* ‘дикий лук’) ‘лук горный’ лат. *Allium oregonicum*, диал. *баллы бәбәнәк* 1. ‘клевер’ лат. *Trifólium*, 2. ‘медуница’ лат. *Pulmonaria* и др.

В основе следующих названий лежит принцип номинации, оценивающий кисло-горький вкус фармакофитонима: диал. *асы какы* (< *асы* ‘горький’, *какы* ‘свербига’) ‘свербига восточная’ лат. *Bunias orientalis*, лит. *әсе*

арем (< *асе* ‘горький’, *арем* ‘полынь’) ‘полынь горькая’ лат. *Artemisia absinthium* и т.п.

7. Мотивировочный признак «количество». Для обозначения выделяющихся признаков определенную роль играет также и число, количество определенных органов растения. Но эти числа могут выражать не на реальное количество органов, а просто показать понятие «много» или понятие единственности: числа *өс* ‘три’, *кырк* ‘сорок’, *йөз* ‘сто’, *мең* ‘тысяча’ и слова *яңгыз* ‘одинокий’, *һыңар* ‘непарный’.

Самое распространенное из количественных числительных, которое используется в названиях лекарственных растений – это *мең* ‘тысяча’ → *меңьяпрак* (< *мең* ‘тысяча’ + *япрак* ‘лист’) ‘тысячелистник’ лат. *Achillea millefolium* L. Здесь число *мең* ‘тысяча’ указывает на большое количество листьев травы. Синонимический вариант названия этого растения *йөзйафрак* (< *йөз* ‘сто’ + *яфрак* ‘лист’) зафиксирован в сакмарском говоре южного диалекта.

Характерная форма стебля со многими узлами легли в основу именованная лит. *кыркбыуын* (< *кырк* ‘сорок’ + *быуын* ‘узел’) ‘хвощ’ лат. *Equisetum*.

В составе следующего фармакофитонима *өсйапрак* (< *өс* ‘три’ + *япрак* ← *япрак* ‘лист’), зафиксированной в среднем говоре южного диалекта, число *өс* ‘три’ указывает на малое количество листочков растения.

Также нами отмечены фармакофитонимы, в которых фигурируют слова *һыңар* ‘беспарный’ и *яңгыз* ‘одинокий’ – это *һыңарайак* (< *һыңар* ‘беспарный’ + *айак* ← *аяк* ‘нога’), зафиксированный в аргаяшском, миасском, сальютском говорах восточного диалекта и *яңгызайак* / *яңкызайык* (< *яңгыз* ← *яңгыз* ‘одинокий’ + *айак*, *айык* ← *аяк* ‘нога’) – в среднем говоре южного диалекта, в значении ‘беспарный, одинокий стебель’.

Из приведенных примеров вряд ли разумно полагать, что числа имеют отношение к реальному количеству органов растений. В первом примере *меңьяпрак* – это структурное калькирование из русского языка < *мең* ‘тысяча’ + *япрак* ‘лист’ → ‘тысячелистник’.

Первые компоненты сложных фитонимов – числа *кырк* ‘сорок’, *йөз* ‘сто’, *мең* ‘тысяча’ несут семантику “много, многочисленный”, *өс* ‘три’ – “мало, малочисленный”. Слова *яңгыз* ‘одинокий’, *һыңар* ‘беспарный’ указывают на единственность, беспарность, толщину какой-либо части растения (напр., стебля). Второй компонент слова состоит из названия какой-либо части растения: *япрак* ‘лист’, *тамыр* ‘корень’, *быуын* ‘звено’, а также *аяк* ‘нога’ в значении ‘стебель’ [Муратова, 2012, 127].

8. Мотивировочный признак «время цветения». Незначительная группа фармакофитонимов мотивированы «временем цветения»: лит. *яз гөлө* (< цветок весенний) ‘первоцвет весенний’ лат. *Prímula véris*, *яз йондозо* (< звезда весенняя) 1. ‘дымянка’ лат. *Fumaria*, 2. ‘хохлатка’ лат. *Corýdalis*, *яз умырзаяһы*, *яз ут сәскәһе* (< цветок огненный весенний) ‘адонис весенний’ лат. *Adōnis vernālis*, *язгы бөрмәкәй* (< подмаренник весенний) ‘подмаренник

душистый, ясменник пахучий' лат. *Galium odoratum* появляются сразу после таяния снега.

Латинское название фармакофитонима *majalis* 'майский' определяет момент цветения ландыша – месяц май. О.Г. Рубцова указывает, что «Определительный компонент *май* подчеркивает признак раннего цветения реалии и представлен во многих фитонимах разносистемных языков» и далее приводит примеры: «нем. *Maiblume* букв. 'майский цветок', *Maililie* букв. 'майская лилия', *Maiglöckchen* букв. 'майский колокольчик', рус. *ландыш майский*, *маевка*, *майская лилия*» [Рубцова, 2015, 98]. Название данного растения в башкирских говорах – *май ынйыһы* (< майский жемчуг). Также с компонентом *май* в среднем говоре южного диалекта бытует *май сәскәһе* (< майский цветок) 'лютик весенний'.

Компонент *көзгө* показывает позднее цветение растения: лит. *көзгө сәскә* (< цветок осенний) 'безвременник осенний' лат. *Solchicum autumnale*.

В башкирском языке нами выявлено 11 фармакофитонима, мотивировочным признаком в которых является «время цветения». Это составляет 1,3 % от общего числа наименований лекарственных растений. Отметим, что в фармакофитонимах данной группы, в основном, нашло отражение весенний период цветения: *яз гәлә*, *яз умырзаяһы*, *яз ут сәскәһе* и т.д.

9. Мотивировочный признак «размер, величина».

Некоторые фармакофитонимы получили названия из-за мелкого или же большого размера какой-либо части растения, т.е. именование происходило через зрительное восприятие. Башкирское *вак* 'мелкий' характеризует в основном маленький, а *эре* 'крупный' – большой размер видового названия: лит. *вак кесерткән* (букв. *вак* 'мелкий' *кесерткән* 'крапива' < крапива мелкая) 'крапива жгучая' лат. *Urtica úgens*, лит. *зур башлы терпекәй үлән* (букв. *зур* 'большой' *башлы* 'с головкой' *терпекәй* 'ежонок' *үлән* 'трава' < трава ежа с большой головкой) 'мордовник шароголовый' лат. *Echinops sphaerocephalus*, лит. *эре кесерткән* (букв. *эре* 'большой, крупный' *кесерткән* 'крапива' < крапива крупная) 'крапива (двудомная)' лат. *Urtica dióica*, лит. *эре сәскәле әзрәс* (букв. *эре* 'большой, крупный' *сәскәле* 'с цветками' *әзрәс* 'бегония' < бегония с крупными цветками) 'венерин башмачок' лат. *Surgipedium calceolus*.

Как отмечала С.Ю. Дубровина, в фитонимике размер растений может быть отражен через зоонимический код: растениям небольшого размера часто даются названия с прилагательными *мышинный* и подобными, а крупным – *коровий*, *медвежий* и т.д. [Дубровина, 1991]. Так, в башкирской народной фитонимике существует целый ряд синонимических названий для щавеля конского с названием *ат* 'конь': *атколак* (< *ат* 'лошадь' + *колак* 'ухо' < лошадиное ухо), *ат койрого* (букв. *ат* 'лошадь' *койрок* 'хвост' < лошадиный хвост), лит. *ат кузгалагы* / *ат кускалагы* / *ат куһкалагы* (букв. *ат* 'лошадь' *кузгалак* 'щавель' < лошадиный щавель), а также с зоонимическим кодом *буре* 'волк' – *буре кузгалак* (букв. *буре* 'волк' 'кузгалак' 'щавель' < волчий

щавель) лат. *Rútex confértus*. Сама лексема *кузгалак* возникла от *кузы* ‘ягненок’, т.е. маленький, и *колак* ‘ухо’.

10. Мотивировочный признак «мифы, магия, поверья, религиозные представления». В определенной части номинаций фармакофитонимов отражаются обряды, народные магии, мифы, верования. У башкир *кайын* ‘береза’, *артыш* ‘можжевельник’, *кесерткэн* ‘крапива’, *млэш* ‘рябина’, *тилебэрэн* ‘белена’ и т.д. являются мифологизированными растениями. *Кайын* ‘береза’ – один из самых мифологизированных деревьев в мировой мифологии, а в башкирской мифологии считается священным деревом. Возле одиноких берез проводились обряды *Ямгыр телэге* ‘вызывания дождя’, *Аяз телэге* ‘вызывания солнца’. В то же время *кайын* ‘береза’ имеет и отрицательное значение, например, *Кайын – кайгылы агас, өй янына ултыртырга ярамай* – ‘Береза печальное, скорбное дерево. Ее нельзя сажать у дома’.

Наш анализ позволяет сделать вывод о том, что процесс познания лекарственных растений башкирским народом осуществлен на основании зрительного восприятия действительности. В фармакофитонимической системе башкирского языка самым продуктивным является номинация по наличию зоонимических компонентов в составе названий лекарственных растений, что составляет 25 % от общего числа мотивированных единиц. Эти фармакофитонимы именовались за сходство части тела животного со строением растений, употреблением в пищу. Названия растений, связанные с окраской цветка составляют 16,7 %, с местом произрастания – 13,1 %. Все перечисленные мотивационные признаки тесно связаны друг с другом и носят объективный характер. Субъективный характер, выражающий категорию «польза» и «вред», представлен 9 % (медицинское применение – 5 %, ядовитость – 4 %) от общего числа мотивированных названий.

В третьей главе «Словообразовательная и генетическая характеристика названий фармакофитонимов в башкирском языке» рассматриваются историко-генетические и структурные характеристики лекарственных растений.

Первый раздел посвящен рассмотрению словообразовательных особенностей фармакофитонимов. Словообразование представляет собой использование внутренних возможностей того или иного языка для наименования новых явлений действительности. В башкирском языкознании вопросу словообразования посвящены труды таких ученых, как Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, А.А. Юлдашев, Э.Ф. Ишбердин, М.Х. Ахтямов, К.Г. Ишбаев, М.В. Зайнуллин, Н.Х. Ишбулатов, Г.Р. Абдуллина и др.

По своей структуре фармакофитонимическая лексика делится на четыре типа: простые (непроизводные), производные, сложные и составные.

Непроизводные односложные фармакофитонимы представляют собой в основном закрытый слог, например, СГС – лит. *тал* ‘ива’, СГСС – диал. *жирк* ‘ольха’ и др., в двухсложных фармакофитонимах корневой элемент как

открытого, так и закрытого типа, ср.: СГС-СГ – диал. *гәмбә* ‘трутовик’, ГС-СГ – диал. *элмә* ‘клен’ СГС-СГС – лит. *кәрләс* ‘очиток’, ГСС-СГС – диал. *артлыш*; в трехсложных фармакофитонимах преобладает открытый тип корневого элемента, например, Г-СГ-СГ – диал. *өкәтә* ‘одуванчик’, СГС-СГ-СГ – диал. *бәмбәкә / мәттәкә* ‘одуванчик’, СГ-СГС-СГС – диал. *бәпелдек / бәпелдәк / бәпембәп* ‘одуванчик’ и др. Возможно, непроечные двух- и трехсложные фармакофитонимы когда-то (исторически) образовались при помощи аффиксов и самостоятельных корней, и превратились в производные слова, а в последнее время воспринимаются как неразложимые лексические единицы.

Производные слова обычно создаются на основе использования словообразовательных средств и моделей данного языка, приобретая новые смысловые значения.

В башкирском языке все диалектные фармакофитонимы были разделены на фонологические, морфологические, синтаксические словообразования.

Фонологическое словообразование **представляет с собой не столько изучение живых моделей, приемов словопроизводства, сколько изучение** и показ структуры слов, образованных в прошлом при помощи фонетического изменения: чередование звуков (лит. *билсэн* ‘осот’ – диал. *бәлсэн* ‘лопух большой, репейник’, лит. *тарлана* ‘песчанка’ – диал. *тармана* ‘дурман обыкновенный’ и др.), редукция (диал. *карамалы* ‘голубика’ – лит. *карама* ‘вяз’, диал. *коморлок* ‘боярышник’ – диал. *коморок* ‘бузина красная’), палатализация (*гәлбазран* 1. лит. ‘пижма’ 2. диал. ‘рябина’, 3. диал. ‘зверобой’ – *гәлбазрән* 1. диал. ‘рябина’, 2. диал. ‘зверобой’) и др.

Как показывает наш анализ, при образовании диалектных названий лекарственных растений аффиксальным способом использованы 16 видов аффиксов (диал. *һырма-уык* ‘ясменник’, диал. *күс-ек* ‘бутень Прескотта’, диал. *сәнес-ке* ‘чертополох’, диал. *йаҫ-мык* ‘вика’, диал. *кол-мак* ‘хмель’, диал. *быҫ-как* ‘дождевик’, диал. *һөт-лө-гән* ‘одуванчик’, диал. *кара-кан* ‘крушина слабительная’, диал. *һоҫ-кон* ‘лук линейный’, лит. *сырмал-сык* ‘вьюнок’, диал. *шыл-ан* ‘хвощ’ и др.), среди которых самым продуктивным является аффиксы *-кай / -кәй* (диал. *күш-кәй* ‘лопух’, диал. *шыма-кай* ‘дягиль’) ‘болиголов крапчатый’, а мертвый аффикс *-ман* зафиксирован только в одном (диал. *атрас-ман* ‘горичвет весенний’), *-лан* – в названиях двух (лит. *татыр-лан* ‘солерос’, лит. *һыр-лан* ‘липучка’) фармакофитонимов.

В башкирском языке, как и во многих тюркских языках, встречаются словообразовательные форманты – **аффиксоиды** (от «аффикс» + др.-греч. *eidos* «образ, вид»). В составе названий лекарственных растений в башкирском языке встречаются такие слова, как *-ут*, *-кат*, которые утратили свою первоначальную семантику. Указанные форманты, образуя новые фармакофитонимы, выполняют функцию аффиксов.

Древнетюркское слово *ot*, которое означает: 1. «трава»; 2. «лекарство» [ЭСТЯ, 481-483, СИГТЯ, 119-120], входит в состав следующих

фармакофитонимов: лит. *талдут* ‘вербейник’ (< *тал(ды//лы)* ‘вербовый’ + *ут* ‘трава’), лит. *илагут* ‘дербенник’ (< *илаг(к)* ‘плаксивый’ + *ут* ‘трава’), лит. *калканут* ‘щитовник’ (< *калкан* ‘щит’ + *ут* ‘трава’) и др.

Следующая группа наименований лекарственных растений представлена формантом-аффиксом *qat*, который в крх.-уйг., алт., тув., тоф., хак. языках означает «ягода, плод» [Рясянен, 241, СИГТЯ, 121]: *каракат* (караидельск. гов. сев.-зап. диал., среднеуральск. гов. вост. диал.) ‘смородина’ (< *кара* ‘черный’ + *кат* ‘ягода’), лит. *харыгат* ‘облепиха’ (< *хары* ‘желтый’ + *(э/к)ат* ‘ягода’) и др.

Следующий способ образования фармакофитонимов – это словосложение. В башкирском языке различаются следующие композиты:

имя прилагательное + имя существительное (Adj + N): лит. *езтөймә* ‘пижма’ (< *ез* ‘желтая медь’ + *төймә* ‘пуговица’), *күкбаиш* 1. (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘медуница’, 2. (таныпск., караидельск., гайнинск., нижнебельско-икск. гов. сев.-зап. диал.) ‘фиалка’, 3. (аргаяшск. гов. вост. диал.) ‘колокольчик’, 4. (караидельск. гов. сев.-зап. диал.) ‘фиолетовый подснежник’ (< *күк* ‘синий’ + *баиш* ‘голова’) и др.;

имя существительное + имя существительное (N + N): лит. *талүлән* ‘дрок красильный’ (< *тал* ‘ива’ + *үлән* ‘трава’), *тумырткабаиш* (средн., ик-сакмарск. гов. южн. диал.) ‘клевер’ (< *тумыртка* ‘дятел’ + *баиш* ‘голова’), *этморон* 1. (кызыльск., миасск., сальютск., аргаяшск., айск. гов. вост. диал., средн., иргизск., ик-сакмарск. гов. южн. диал.) ‘шиповник’, 2. (ик-сакмарск., средн. гов. южн. диал.) ‘бересклет’, 3. (ик-сакмарск., демск. гов. южн. диал.) ‘крушина’ (< *эт* ‘собака’ + *морон* ‘морда’), *тургайеләк* (средн., ик-сакмарск. гов. южн. диал., кызыльск. гов. вост. диал.) ‘земляника лесная’ (< *тургай* ‘воробей’ + *еләк* ‘ягода’) и др.;

имя числительное + имя существительное (Num + N): лит. *кыркколас* ‘кровохлебка’ (< *кырк* ‘сорок’ + *колас* ‘охват, обхват’), лит. *меңьяпрак* ‘тысячелистник’ (< *мең* ‘тысяча’ + *япрак* ‘лист’).

Отметим, что первые компоненты в составе фармакофитонимов принадлежат к существительным, прилагательным, числительным, а вторые – преимущественно существительным, состоящим из разных частей растений:

баиш – *тургайбаиш* (средн. гов.) ‘клубника’ < воробей-голова, *тукмакбаиш* (демск. гов.) ‘лебеда’ < колотушка-голова, *тузгакбаиш* (мензелинск. гов.) ‘одуванчик’ < растрепанная голова и т.д.);

үлән – диал. *сәстеүлән / састыүлән* ‘ковыль’ < волосистая трава, диал. *әнжәүлән* ‘ландыш майский’ < жемчужная трава, диал. *коймагүлән* ‘подорожник’ < блины-трава, *хәтфүлән* ‘амарант’ (плюшевая трава) и т.д.);

гөл – *кандалагөл* ‘клоповник Мейена’ < клоп-цветок, *сабынгөл* ‘мыльнянка лекарственная’ < мыло-цветок, *шиңмәсгөл* ‘бессмертник’ < неувядаемый цветок, *миңнегөл* ‘бегония’ < цветок с родинкой и т.д.);

еләк – *кызылйеләк* ‘земляника лесная’ < красная ягода, *тургаййеләк* ‘земляника лесная’ < воробей-ягода, *остойеләк* ‘земляника лесная’ < острая ягода, *ызмайеләк* ‘клубника’ < *ызма* ← уст. *өй* дом-ягода и т.д.);

агас – *энлагагас* ‘боярышник’ < дерево с шипами, *карагас* ‘лиственница’ < черное дерево, *йезагас* ‘боярышник’ < медь-дерево, *майагас* ‘иссоп’ < масло-дерево и т.д.);

емеш – *төлкөйемеш* ‘боярышник’ < лиса-плод, *гөлийемеш* ‘шиповник’ < цветок-плод, *камырйемеш* ‘боярышник’ < тесто-плод и т.д.);

япрак – *меңъяпрак* ‘тысячелистник’ < тысяча листьев, *кыркъяпрак* ‘кровохлебка’ < сорок листьев, *туңарэкъяпрак* ‘росянка’ < круглый лист, *яраяпрак* ‘подорожник’ < рана-лист и т.д.);

сәскә / сискә – *күксәскә* ‘сирень’ < синий цветок, *һарысискә* ‘горицвет весенний, адонис’ < желтый цветок и т.д.);

тамыр – 3 *майтамыр* ‘окопник лекарственный’ < масло-корень, *йылантамыр* ‘горец змеиный’ < змея-корень и т.д.

Значительное место в фармакофитонимической лексике занимают составные названия, среди которых наиболее продуктивными являются следующие модели:

Модель С + С

1) I вид изафета, т.е. сочетание существительных без морфологически выраженной связи: *карагай сәсәк* (миасск. гов. вост. диал.) ‘горицвет’ < сосна цветок, *саз жимеш* (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘клюква’ < болото плод, *каз печин* ‘шалфей’ (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) < гусь сено и т.д.;

2) II вид изафета, т.е. сочетание существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа у второго компонента: *бесәй һазәбе* (айск. гов. вост. диал.) ‘просвирняк’ < пуговица кошки, *кейәү йеҫе* (сакмарск. гов. южн. диал.) ‘чабрец’ < запах жениха, *тыскан сыбыгы* (демск. гов. южн. диал., гайнинск., нижебельско-икск., таныпск., караидельск. гов. сев.-зап. диал.) < мышинный прутик и т.д.;

Модель П + С

1) качественное прилагательное + существительное: *йалнак алабута* (демск. гов. южн. диал.) ‘лебеда белая’ < приплеснутая лебеда, *сары черки* (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘зверобой’ < желтый комар и т.д.;

2) относительное прилагательное с аффиксами *-лы / -ле / -лө / -ло, -гө / -гы*: *сәнескәкле гөл* (караидельск. гов. сев.-зап. диал., средн. гов. южн. диал.) ‘алоз’ < колючий цветок, лит. *баллы кыуак* < медовый куст, лит. *еҫле балтырған* ‘снуть’ < душистый борщевик и т.д.

Кроме сложных слов, состоящих из двух компонентов, в образовании фармакофитонимов участвуют сложные сочетания, имеющие три компонента. Они обычно встречаются в видовых названиях:

1) прилагательное + II вид изафета (существительное + существительное) – модель П + С + С: лит. *мурт эт муйылы* ‘крушина ломкая, или ольховидная’ < ломкая собачья черемуха / ломкая крушина, лит. *яз ут сәскәһе* ‘адонис весенний’ < весенний огненный цветок, лит. *шифалы тургай еме* ‘воробейник лекарственный’ < лекарственный воробьиный корм, лит. *зәһәр сүл боросо* ‘очиток едкий’ < ядовитый пустынный перец, лит. *сукмарлы көкөрт үләне* ‘плаун булововидный’ < булововидная серная трава,

дарыу көкөрт үләне ‘баранец аптечный’ < лекарственная серная трава, лит. *үгәй инә үләне* ‘мать-и-мачеха’ < трава мачехи и т.д.;

2) прилагательное + прилагательное + существительное – модель П + П + С: лит. *эре сәскәле әзрәс* ‘венерин башмачок’ < крупноцветковый адрас, *кызыл мук еләге* ‘брусника’ < красная моховая ягода и т.д.;

3) существительное + существительное + существительное – модель С + С + С: *мәрийәмана күз йәше* (миасск. гов. вост. диал.) ‘герань’ < слезы Марьямана, *ат тойак печин* (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘мать-и-мачеха’ < сено лошадиное копыто, *ат тойагы үләне* (караидельск. гов. сев.-зап. диал.) ‘мать-и-мачеха’ < трава лошадиное / конское копыто;

4) числительное + П вид изафета – модель Ч + С + С: лит. *өс япраклы бахтә* ‘вахта трехлистная’ < трехлистная вахта.

Единичные случаи сложных наименований, состоящих из четырех компонентов: лит. *йылга буйы кысыр сәскәһе* ‘гравилат речной’ < речной пустой цветок – модель С + С + П + С, лит. *зур башлы терпекәй үлән* ‘мордовник шароголовый’ < с большой головой трава ежонка – модель П + С + С + С.

Согласно материалам исследования, в составе модели С + С опорное слово относится к растительному миру, а зависимое слово показывает: местообитание (*сирәм кымызлыгы* (демск. гов. южн. диал.) ‘кислица обыкновенная’ (< *сирәм* ← *сизәм* ‘целина’ *кымызлык* ‘горец альпийский’ < горец альпийский целинный), время цветения (лит. *яз гөлө* ‘первоцвет весенний’ (< *яз* ‘весна’ *гөл* ‘цветок’ < цветок весенний), лечебные свойства (лит. *бүсер үләне* ‘грыжник гладкий’ (< *бүсер* ‘грыжа’ *үләне* ‘трава’ < трава грыжи), география/регион (*дим кыйары* (демск. гов. южн. диал.) ‘дыня’ (< *дим* ‘демский’ *кыяр* ‘огурец’ < огурец демский), орган (*күз мәшкәсе* (караидельск., таныпск., гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘чага’ (< *күз* ‘глаза’ *мәшкә* ← *бәшмәк* ‘гриб’ < глазной гриб) и др.

В следующей модели П + С определительный компонент содержит вкусовую характеристику фармакофитонима (*татлы тамыр* 1. (лит.) ‘солодка’, 2. (сакм. гов. южн. диал.) ‘бутень Прескотта’ (< *татлы* ‘сладкий’ *тамыр* ‘корень’ < корень сладкий), цвет (лит. *алтын шөңгөр* ‘купальница’ (< *алтын* ‘золотой’ *шөңгөр* ‘бубенец’ < золотой бубенец), размер (лит. *эре кесерткән* ‘крапива двудомная’ (< *эре* ‘крупный’ *кесерткән* ‘крапива’ < крупная крапива), физиологические показатели (лит. *тиле кишер* ‘дымянка лекарственная’ (< *тиле* ‘глупый, дурак’ *кишер* ‘морковь’ < морковь глупый).

При словообразовании составных фармакофитонимов самыми частотными компонентами являются лексемы *үлән* (входит в состав 98 сложных слов), *еләк* (31), *сәскә* (27) / *сискә* (6), *емеш* (25), *агас* (19), *гөл* (17), *япрак* (10), *тамыр* (9).

Таким образом, рассмотренный выше материал по названиям лекарственных растений показывает, что большую часть фармакофитонимов в башкирском языке составляют составные слова – 637 названий лекарственных растений, т.е. 43 % от общего количества зафиксированных

лексем, а простых названий немного меньше, их 551 единиц, что составляет 37,3 %, сложные 19,7% (292) от общего количества лексем.

Второй раздел посвящен лексическому составу фармакофитонимов, который подразделяется на две группы: исконную и заимствованную. Исконную лексику современного башкирского языка составляют: 1) общетюркские слова, употребляющиеся во всех тюркских языках; 2) межтюркские слова, т.е. слова, характерные кыпчакской группе языков; 3) собственно башкирские слова, которые представляют собой новые аффиксальные образования из общетюркских корней или сложные слова и лексикализованные словосочетания с иным по сравнению с другими тюркскими языками составом [Хабибуллина, 2008, 40].

Исходя из сравнительных данных и сведений из этимологической литературы, к общетюркскому пласту относятся следующие наименования лекарственных растений в башкирском языке, большинство которых имеет единую семантику во многих тюркских языках: *арем* «полынь» (каз. *jermen* ~ *jermene*, кирг. *ermen*, уйг. *ärtän*, тат. *ärem*, чув. *ärëm* ~ *aräm*, сиб.тат. *irmän*, узб. *erman(a)*, халх. *erme*), *кабак* «тыква» (др.-уйг. *qabaq*, тур., гаг. *kabak*, аз. *gabağ*, турк. *(aš)qa:baq*, кат., кум., тат., ног., каз. *qabaq*, кирг. *(aš)qabaq*, узб. *qovoq*) и др.

Следует также добавить, что небольшое количество башкирских фармакофитонимов встречается и в монгольских языках. Например, *энлек*, диал. *дунала* «боярышник» < монг. *dolayana*, ср. п.-монг. *dolyana* ~ *doluni*, монг. *dolo:gono*, калм. *dolaŋk* [Рясянен, 139]. Данное слово в значении «боярышник» в разных фонетических вариантах встречается и в некоторых тюркских языках: *dolana* каз., *dolono* кирг., *dülana* уз., *doluna* уйг., *dülänä* тат. диал., *tolono* алт., *dolagana* тув., *dolayana* тоф., *doloqono* / *doloquna* як. [СИГТЯ, 124] и в результате метатезы в башкирском языке отмечено как *дунала*.

Словарный состав башкирского языка, как и любого другого, представляет с собой результат длительного развития. Наряду с исконными, в нем встречаются и слова, вошедшие в башкирский язык из родственных и неродственных языков.

Заимствованные слова в лексике башкирского языка занимают довольно большое место. В течение последних десяти веков заимствования в этот язык проникали в основном из двух источников: из восточных (арабского и персидского) и из русского языков.

Длительные экономические, политические, культурные, военные и другие связи башкир с другими народами способствовали проникновению в словарный состав башкирского языка значительного количества иноязычных слов, которые не просто заимствуются, но и адаптируются, подчиняясь законам фонетики, грамматики.

подавляющее большинство арабских и персидских заимствований прочно входят в активный запас башкирского языка и успешно используются в современном языке наравне с исконными лексемами.

Следует отметить, что арабизмов в фармакофитонимической лексике немного: баш. *зәғферән* < араб. ان ء فر ز ‘южный цветок с колокольчиками’ → ‘шафран’, баш. *кыяр* < араб. خ يا ‘один из видов овощей, огурец’, баш. *кыяр* < араб. *һиййар* ‘огурец’. Арабские слова функционируют и в составе сложных наименований: баш. *шайтан* < араб. شيطا ‘черт / бес / дьявол’ – диал. *шайтан көпиәһе* / *шайтан көпиәсе* (букв. стебель черта) ‘дягиль’, диал. *шайтан карагайы* (букв. сосна черта), диал. *шайтан дегәнәге* (букв. лопух черта) ‘чертополох’, диал. *шайтан агасы* (букв. дерево черта) ‘бузина’ и др.

В составе лексики лекарственных растений в башкирском языке имеют место следующие фарсизмы: диал. *нокот* / *локот* < перс. ول ذ خ ‘один из видов южного гороха’, баш. *шалкан* < перс. *şalgam* ‘репа’ и др. В составе сложных фармакофитонимов также можно проследить некоторые персидские слова: баш. *пәйғәмбәр* < перс. پيغمبر ‘посланник Аллаха’ – диал. *пәйғәмбәр сәскәһе* (букв. цветок Аллаха / пайгамбара) ‘ромашка’, баш. *зәңгәр* < перс. زنگار ‘светло-синий’ – *зәңгәр сәскә* (букв. цветок голубой) ‘василек (посевной) голубой’ и др.

Заимствования из русского языка, вошедшие с древнейших времен, подчинились внутренним законам башкирского языка и подвергались изменению согласно структурным особенностям башкирского языка: лит. *гөрөз*, *гөрәж* (гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘груздь’, лит. *кәбестә* ‘капуста’, *биләңке* (среднеуральск., айск. гов. вост. диал., гайнинск. гов. сев.-зап. диал.) ‘белянка’ и др. А более поздние заимствования пользуются без изменений: укроп, хризантема и т.д.

Также следует особо отметить, что в составе фармакофитонимов заметное место занимает группа названий, которая заимствована из латинского и греческого языков через русский. Ср.: баш. *әнис* ← рус. анис ← лат. *Anisum*, баш. *примула* ← рус. примула ← лат. *Primula*, баш. *тимьян* ← рус. тимьян ← лат. *Thymus* ← др.-греч. *θυμός* и т.д.

Кроме прямых заимствований в составе фармакофитонимов в башкирском языке встречаются кальки с русского, например, *баллыкай* ‘медуница’ < *бал* ‘мед’ + *-лы* (аффикс прилагательных со значением ‘обладающий’) + *-кай* (уменьшительно-ласкательный аффикс), *арыслан ауызы* ‘львиный зев’ < *арыслан* ‘лев’, уст. *ауыз* ‘зев’ и др.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны выводы и обобщения, основанные на результатах проведенного анализа.

Библиографический список включает перечень использованной литературы и лексикографических источников.

В приложении представлен краткий башкирско-русский словарь диалектных фармакофитонимов.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях:**

***I. Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в реестр
ВАК МОуН РФ и БД Scopus:***

1. Ишмухаметова А.Ш. Лексико-семантический анализ лексемы *балтырған* (с использованием материалов корпуса башкирского языка) // *Oriental Studies*. Elista, 2020, Т 13(5). – С. 1406–1414.
2. Ишмухаметова А.Ш. Фонетические особенности диалектных названий лекарственных растений в башкирском языке // *Проблемы востоковедения*. Уфа, 2021. №4(94). – С. 81–87.
3. Ишмухаметова А.Ш. Ареальная характеристика наименований дикорастущих лекарственных деревьев в башкирском языке // *Проблемы востоковедения*. Уфа, 2023. №4 (в печати).

II. Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций:

4. Ишмөхәмәтова А.Ш. *Энәлек* лексемаһы һәм уның диалект варианттары (диалектология базаһы материалдары нигезендә) // сборник статей VIII Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков *TurkLang'2020*. – Уфа, 2020. – С. 204–213.
5. Ишмухаметова А.Ш. Народная терминология лекарственных кустарников в диалектах башкирского языка // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. – Томск, 2021. – С. 353.
6. Ишмухаметова А.Ш. Лексика лекарственных растений в языковом ареале башкир // «Шеттілдік терминдерді игерудің халықаралық тәжірибесі» халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдарының жинағы. – Нұр-Сұлтан, 2021. – С. 57–62.
7. Ишмухаметова А.Ш. Этнокультурная информация в диалектных названиях башкирского языка о лекарственном растении ‘бәпембә’ (одуванчик) (с использованием материалов диалектологической базы МФБЯ) // *Этногенез. История. Культура: IV Юсуповские чтения*. – Уфа, 2021. – С. 162–166.
8. Ишмухаметова А.Ш. О применении материалов Машинного фонда башкирского языка в исследовании названий лекарственных растений // *Материалы III Международной Интернет-конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее»*. СПб., Говор: альманах. – 2022. № 9. – С. 557-561.
9. Ишмухаметова А.Ш. Использование материалов диалектологической базы Машинного фонда башкирского языка в изучении народных названий лекарственных растений // *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России*. – Уфа, 2022. – С. 172–176.
10. Ишмухаметова А.Ш. Народные наименования некоторых лекарственных растений (на примере данных публицистического корпуса и диалектологической базы Машинного фонда башкирского языка) // *Ахмет Байтурсынулы и язык науки. Материалы Международной научно-*

теоретической конференции, посвященной 150-летию основателя казахского языкознания, Учителя нации Ахмета Байтурсынулы. – Алматы, 2022. – С.386–392.

11. Ишмухаметова А.Ш. Названия некоторых ядовитых лекарственных растений в диалектном ареале башкир // Актуальные проблемы узбекского ареального языкознания: методология и новый подход. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения каракалпакского ученого, доктора филологических наук, профессора Ю.М.Ибрагимова. – Нукус, 2022. – С.130–136.

12. Ишмухаметова А.Ш. Мотивировочные признаки номинаций лекарственных растений в диалектах башкирского языка (на материале данных диалектологической базы МФБЯ) // Академическая гуманитарная наука в XX – начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. – Уфа, 2022. – С.235–239.

13. Ишмөхәмәтова А.Ш. Башкорт теленәң диалекттарында кайһы бер дарыу үсемлектәре атамалары (Башкорт теленәң машина фонды материалдары нигезендә) // Башкорт фольклоры: тикшеренүзәр һәм материалдар. VIII сығарылыш. – Өфө: РФА ӨҒТУ ТТӘИ, 2023. – 151–159-сы бб.

14. Ишмухаметова А.Ш. Названия некоторых дикорастущих лекарственных деревьев в башкирском языке: ареальный аспект // Материалы IV Международной Интернет-конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». СПб., Говор: альманах. – 2023. № 5. – С.86–89.

15. Ишмухаметова А.Ш. Заимствованные фармакофитонимы в устной речи башкир // Сборник материалов международной научно-теоретической конференции «Цифровизация и формирование языка национальной рекламы в Казахстане» и «Опыт создания Национальных корпусов как научно-исследовательский и обучающий интернет-ресурс» в рамках регулярной научно-языковой площадки «Аскар Жубановские чтения». – Алматы, 2023. – С. 34–41.